

Многие проживают яркую жизнь, сотканную из переплетения самых разных светлых и темных красок, но жизнь Хэ Шу в его семнадцать лет оборвалась на серой точке.

Шэнь Синлань подумал: возможно, в тот момент, когда он направился к морю, Хэ Шу обрел истинную свободу и избавление, и весь последующий мир стал для него совершенно неважен.

Отрабатывать полученные деньги — извечная непреложная истина, подумал Шэнь Синлань, так или иначе, а эту роль он должен сыграть безупречно.

— Я верю, что они чисты, — медленно произнес Шэнь Синлань. — Раз уж Сун Сюй решил быть со мной, я должен безоговорочно доверять ему. То, что видишь своими глазами, не обязательно является правдой.

Нин Хуэй отвис челюсть, он ошеломленно уставился на своего брата Хэ, подозревая, что тому заморочили голову:

— Ты серьезно??

И такого мусорщика ты оставляешь, чтобы отпраздновать с ним Новый год? На минуточку, человек, который изменяет, — это твой младший брат Хэ Юй.

Шэнь Синлань спокойно ответил:

— Если он любит меня, то обязательно решит объясниться со мной, я просто подожду. К тому же, Хэ Юй такой послушный и разумный, они с Сун Сюй в роще просто стояли чуть ближе друг к другу. Раз уж оба они — самые близкие мне люди, знающие меру, почему бы им не обсуждать академические вопросы?

Рот Нин Хуэя то открывался, то закрывался, складываясь в круг, он несколько раз беззвучно пошевелил губами, видимо, до того разозлившись на него из-за глупости и упрямства.

Но в делах сердечных посторонние разве могут что-то решать? Его брат Хэ всегда оставался самим собой — пока не врежется лбом в глухую стену, не повернет назад. Раньше он вроде бы рассуждал здраво, а теперь, то ли испытал слишком сильное потрясение, то ли еще отчего, начал нести какую-то чушь.

Нин Хуэй от злости даже почувствовал боль в желудке и язвительно бросил:

— Завтра я тоже кого-нибудь позову в рощицу, чтобы как следует обсудить там академические вопросы.

С этими словами он развернулся и пошел обратно — продолжать переписывать домашнее

задание.

Как заядлый двоечник, Шэнь Синлань без малейших угрызений совести отложил тетрадь в сторону и уткнулся носом в парту, собираясь поспать.

Утреннее самообразование закончилось под шумные голоса учеников, в перерыве между уроками Шэнь Синлань сходил в туалет, а когда вернулся, на его столе появился стакан с чаем с молоком.

Заметив, как он приближается, сидевшая вокруг компания уставилась на него с насмешливыми ухмылками. Нин Хуэй тоже поднял на него взгляд, его глаза выражали сложные, неопишуемые чувства.

Проходя мимо стакана с молочным чаем, Шэнь Синлань постучал пальцем по краю соседней парты и спросил:

— Кто это оставил?

— А кто еще? — Нин Хуэй недовольно дернул бровью. — Сун Сюй принес. Прибежал тут недавно, а тебя не было, вот и поставил чай с молоком на твой стол.

Палец Шэнь Синланя, едва касаясь, скользнул по краю парты и соскользнул вниз.

Шумные голоса сплетников вокруг немного утихли. Стояла самая жара, по стенкам стакана с молочным чаем беспрестанно скатывались капли воды, а кусочки кокосового желе, пудинга и жемчужины тонули в белоснежном напитке, отчаянно и приторно сладко.

Нин Хуэй скрестил руки на груди и в лицах изобразил то, как недавно явился Сун Сюй:

— Он не только принес тебе чай, но заодно поинтересовался, почему не пришел Хэ Юй. Ну просто парень-образец двадцати четырех сыновних добродетелей.

Очевидно, слухи о тайном свидании Сун Сюя и Хэ Юя в роще уже давно расползлись повсюду. Раньше Сун Сюй частенько приносил всякие вкусности и молочный чай, но еще никогда вокруг их парты не собиралось столько зевак с парой длинных ушей на макушке.

Стоило этим полным яда словам смолкнуть, как Шэнь Синлань внезапно взмахнул рукой, и предмет описал чистую, четкую дугу прямо в объятия Нин Хуэя. Скорость была такой высокой, что тот даже сообразить ничего не успел, как в его руках оказался стакан с чаем.

— Дарю, — лаконично бросил Шэнь Синлань. — У меня в последние два дня здоровье неважное, холодное пить нельзя.

Раньше, когда Сун Сюй приносил угощения, съестное и питье регулярно перепадало окружающим, и Нин Хуэй уплетала за обе щеки больше всех, но на этот раз он категорически не желал прикасаться к добру от паршивого мерзавца и тут же перепродал его другому.

Его брови сошлись на переносице, он даже вытер руки влажной салфеткой:

— Гадость какая.

Похоже, брезговал он по-настоящему.

Шэнь Синлань не обратил на это внимания. Бросив взгляд на третье место в левом ряду, он отметил, что Хэ Юй так и не появился.

Хэ Юй сегодня не пришел в школу не потому, что не хотел, а потому, что его остановила мать Хэ.

Мать Хэ оставила его дома, а сама куда-то ушла. Хэ Юй ни о чем плохом не думал — тот, кто считает себя победителем, разве станет переживать из-за исхода дела?

В это время мать Хэ наверняка отправилась забирать Хэ Шу домой, чтобы после заставить их помириться.

Оставшись дома один, Хэ Юй немного порисовал. В какой-то момент Хэ Шэньюань, переживая, что сын остался дома без обеда, специально позвонил прислуге, чтобы та приготовила ему поесть.

Лучи солнца пробивались сквозь прозрачные окна от пола до потолка и падали на пол, заливая светом глянцевую черно-белую поверхность рояля. В недалеком углу пышно цвели белые розы.

Все это на холсте Хэ Юя выглядело живым и ярким.

Его босые ступни касались пола, ступая по мягкому, невесомому шерстяному ковру. В руке Хэ Юй держал бокал с красным вином, в его сияющих глазах теплились искорки улыбки. Слегка откинувшись назад, он любовался собственной картиной и сквозь бумагу для набросков словно видел совершенно новую жизнь, отличную от прежнего прошлого.

Цветущая роскошь этого места манила и пьянила его.

У входа послышался шорох, шаги затихли и смолкли. Хэ Юй в мгновение ока сменил выражение лица, опустил бокал с вином и обернулся. Увидев мать Хэ, он расплылся в улыбке:

— Мам.

Мать Хэ выглядела совсем не так, как когда уходила: ее лицо казалось отрешенным, шея была небрежно обвита помятым шелковым шарфом — совсем не похожая на прежнюю безупречную педантичность.

Она простояла там довольно долго, шевеля губами, и безжизненно выронила несколько слов:

— Ты должен пойти и извиниться.

Кисть бесшумно упала на пол. Хэ Юй замер, несколько секунд сомневаясь, не послышалось ли ему.

Урок физкультуры в классе два-три не предполагал активного участия Шэнь Синланя — он просто сидел в сторонке, изображая ленивую рыбу.

Он привык держаться особняком, близких друзей у него было всего ничего, и резкие перемены в его поведении привлекли бы лишнее внимание.

Перед ним внезапно упала тень, и кто-то протянул Шэнь Синланю бутылку газировки. Проследив глазами снизу вверх по пластиковому корпусу, он увидел стоявшего перед ним лучезарного, красивого юношу, который пристально смотрел на него.

— Сяо Шу, — мягко и нежно позвал тот, словно зачитывая любовное стихотворение.

Шэнь Синлань замер на две секунды, с опозданием сообразив, кто перед ним. Ни слова не говоря, он опустил голову и никак не отреагировал на зов.

Видя, что на него не обращают внимания, Сун Сюй немного занервничал. Сделав шаг вперед, он положил бутылку рядом с Шэнь Синланем и нерешительно произнес:

— Ты... ты злишься?

Любой зрячий человек сразу понял бы, что Шэнь Синлань зол. Пинув носком туфли валявшийся на земле камешек, он ответил вопросом на вопрос:

— Увидев тебя в роще с моим младшим братом собственными глазами, разве я не должен злиться?